

Ономастика как фрагмент лингвистической палеонтологии

Проблемы методологии ономастического исследования

«Из каждого слова, которое мы употребляем, глядит на нас не сорок веков, а по меньшей мере сорок тысячелетий... Воссоздать до конца историю хотя бы одного слова – это значит приобщиться к раскрытию тайны всей человеческой речи и мышления» (В. И. Абаев; цит. по Маковский, 1989, 6). Собственные имена – это особая группа слов. В сфере собственных имен наиболее отчетливо проявляется взаимодействие языка и культуры, единицы данной группы слов обычно воспринимаются как знаки, имеющие то или иное отношение к судьбе человека. Многие собственные имена возникли в глубокой древности – они нередко древнее самых древних вещей, хранящихся в музеях. Этимологическое исследование собственного имени (= попытка воссоздать его историю) как правило, сложнее, чем соответствующее изучение апеллятива, а выводы, которые делаются на основе такого исследования, обычно в меньшей мере аргументированы, чем при анализе нарицательной лексики. Дело прежде всего в том, что сравнение собственного имени и апеллятива или же двух собственных имен строится лишь на основе сходства формальной части. Поэтому ономастика становится нескончаемой дискуссией о тех собственных именах, которые уже не имеют бесспорной и однозначной связи с апеллятивной лексикой. В ономастическом исследовании постоянно наблюдаются попытки использовать какие-то новые приемы изучения собственных имен, обнаружить новые источники информации. В этом ряду поисков особого внимания заслуживают следующие соображения, породившие целые направления ономастических исследований.

Известный литовский языковед К. Буга в одной из своих последних работ обращает внимание на то, что в сравнительной потамологии (рековедении) следует поступать так, как делается в сравнительном (этимологическом) словаре любого типа. В этимологическом словаре сравниваются слова, т.е. нарицательные имена (appellativa), а в потамологии названия рек (озер) должны

сравниваться с названиями рек (озер), т.е. с собственными именами (prorgia). И только тогда, когда будут сопоставлены названия рек того же происхождения и *определено их географическое распространение*, будем иметь право искать этимологию исследуемого названия, которая представляет собой сопоставление с нарицательными именами (Būga, 1961, 510). Украинский исследователь А. А. Белецкий решение данной проблемы представляет так. «...При классификации ономастической лексики в отношении времени, места, языка и культуры мы дополняем созданную Ф. Де Соссюром терминологию и наряду с противопоставлением (1) синхронии и диахронии вводим противопоставления: (2) синтопии и диатопии, то есть принадлежность элементов одному и тому же ареалу или же разным ареалам, (3) синглотии и диаглотии, то есть принадлежность элементов одному и тому же языку или разным языкам, (4) синциклии и диациклии, то есть принадлежность элементов одному и тому же культурному кругу или разным культурным кругам. Таким образом, *первой задачей исследования ономастического материала должно быть хронологическое, географическое, лингвистическое и циклическое расположение материала, подлежащего изучению*» (Белецкий, 1972, 31 – 32).

Весьма тщательный и довольно квалифицированный анализ гидронимов в работах Х. Краэ и В. П. Шмида, проведенный, разумеется, совершенно самостоятельно, практически стал претворением в жизнь тех идей, о которых мечтал в последние годы своей жизни К. Буга и пытался дать свою формулировку А. А. Белецкий. Явление, которое в работах Х. Краэ представлено под названием «древнеевропейское», а в исследованиях В. Шмида обозначено рядом синонимов: «древнеевропейское» = «индоевропейское» = «праязыковое (voreinzelsprachlich)», в настоящее время рассматривается как общеизвестный факт (ср. Н. Krahe, 1954, 49 – 64; W. Schmid, 1972, 1 – 18; 1973, 189 – 194; 1976, 115 – 122). Практически это значит признание существования соответствующих по своей форме гидронимов, расположенных в разных частях европейского континента, напр.: *Saale* (Германия), *Sala* (Норвегия), *Salia* (Испания), *Sala*, *Salantas* (Литва), *Sala*, *Salate* (Латвия) и т.д.

В одной из работ З. Зинкявичюса идет речь о том, что большинство балтийских этнонимов следует воспринимать как единицы гидронимического происхождения (Zinkevičius, 2005, 72 – 77). Указанный вывод делается на основе наблюдений ряда языковедов. Можно, конечно, разделять или не разделять эту точ-

ку зрения, однако, прежде всего здесь привлекает внимание тот очевидный факт, что почти все названия балтийских этносов отражены в другом разряде собственных имен – в гидронимии. Признание этого факта становится стимулом к поискам ответа на новые вопросы.

Языковеды, которые занимались исследованием балтийской гидронимии, обычно отмечают ее архаичность и говорят о ее близости к праиндоевропейскому состоянию. В. Н. Топоров, а также Ю. Лаучюте обратили внимание на весьма интересные параллели в сфере этнонимии, ср.: *sēliai* (балтийское племя) || фракийское племя *Selletes*, топоним *Σελλοί, Σηλυμβρία*; антропоним *Σηλυς*; *galindai* || город во Фракии *Kalindoia, Kalindia*; *prūsai* || фракийские топонимы *Brussa, Προυσα, Προύσιος, Βρουσαεύς, Prusensis*, антропоним *Prusias*, кельтский топоним *Prausi*, германские этнонимы *Frūsja, Frisii* и т.п. (Laučiūtė, 1988, 58). Приведенные факты дают основание думать о том, что балтийская этнонимия, так же как и гидронимия, представляет собой группу весьма архаических единиц, отражающих древнейшие связи с соответствующими собственными именами родственных языков. Иначе говоря, по крайней мере, какая-то часть балтийских этнонимов может быть отнесена к древнейшему слою названий этносов европейского континента.

Результаты развития гидронимии В. П. Шмид изображает следующим образом: а) древние гидронимы иногда сохраняются без изменений или почти без изменений; б) иногда в сознании говорящих возникают новые ассоциации, т.е. определяются новые отношения между собственным именем и апеллятивной лексикой; в) иногда старые гидронимы вообще выходят из употребления (заменяются новыми) (Schmid, 1998, 151). При анализе развития антропонимии можно говорить о тех же процессах, разница лишь в том, что группа древних неизменившихся единиц здесь будет сравнительно небольшой, а новые имена (группа в) будут составлять подавляющее большинство. Аналогичную мысль выражают Н. И. Толстой и С. М. Толстая, отмечающие явление семапизации имени, которые достигаются двумя противоположными способами: вовлечением апеллятивов в ономастикон, т.е. онимизацией апеллятивов, и народной этимологизацией собственно ономастической лексики (по кн. Гурская, 2007, 36).

Известный немецкий языковед А. Бах в своем капитальном труде “*Deutsche Namenkunde*” обращает внимание на то обстоятельство, что при анализе собственных имен очень часто перед

исследователем встает целый ряд возможных решений. Здесь приходится говорить о конкуренции или иначе о пересечении толкований (*Deutungskreuzungen*) (Bach, 1952, 236).

Все вышеупомянутые соображения разных языковедов, а также наши наблюдения дают основание думать о том, что в **ономастическом исследовании следует иметь в виду возможность пересечения разных рядов собственных имен: гидронимии, этнонимии, антропонимии и т.д.** То обстоятельство, что соответствующее собственное имя находится в зоне пересечения нескольких онимических рядов (= выступает как гидроним или его основа, как этноним, как антропоним или его компонент) следует воспринимать как показатель его архаичности. Сам факт пересечения нескольких онимических рядов приобретает еще большую значимость в том случае, когда использование соответствующего собственного имени не ограничивается рамками одного языка или одной группы языков.

Поскольку этнонимия представляет собой сравнительно немногочисленную группу собственных имен, то нередко наблюдается использование тех же основ в сферах гидронимии, топонимии и древней антропонимии. Наличие таких единиц в онимии нескольких групп индоевропейских языков также следует считать признаком их архаичности. При их анализе рационально иметь в виду возможность общего происхождения на определенном этапе развития индоевропейской онимии, не забывая при этом о тех процессах, которые позже могли происходить в сознании говорящих, использующих соответствующие собственные имена. Имеем в виду возникновение новых ассоциаций, т.е. определение новых отношений между собственным именем и апеллятивной лексикой (= возникновение народной этимологизации).

Для того чтобы наши соображения были представлены как мысли, возникшие на основе анализа достаточно большого количества собственных имен, необходимо привлечение соответствующих материалов, т.е. необходимо изображение наших рассуждений языком фактов.

Некоторые основы собственных имен на фоне онимического ландшафта европейского ареала Barta (< Bartha)... Одна из частей Пруссии.

Гидронимы: лит. *Bartis, Bartuva, Bart-upė* (Vanagas 1981: 59), Верхнее Поднепровье *Борча* (Топоров, Трубачев, 1962, 177), куршск. *Barthowe* (Топоров, 1975, 200).

Антропонимы: др.-прусск. *Sam-barte, Barthene, Bartiko, Bartucke, Bartuths* (Trautmann, 1925, 133); лит. *Bart-minas, Dau-bartas, Ky-bartas, Kim-bartas, Liu-bartas, Liū-bartas, Bartas, Bartaitis, Bartašius, Bartelis, Bartys, Bartkelis Bartkevičius, Bartkus, Bartulis, Bartušis*; нем. *Bart-olf, Bart-old* (Bach 1952: 236); белор. *Бармаш, Бармош, Бармко, Бармуш* (Бірыла 1966: 38); польск. *Barta, Barto, Bartak, Bartek Bartel, Bartkowicz, Bartos, Bartosz, Bartul, Bartusz, Bartys, Bartysz* (Rymut, 1991, 80 – 81); др.-русск. *Бортень, Бортеневы*: *Бортень*, холоп, середина XV в., Звенигород; фамилия *Бортеневых* известна с последней четверти XV в.; в XVII в. и позже – *Бартеневы; Бортиковы* 1430 г. (Веселовский, 1974, 47).

Топонимы: лит. *Ky-bartai, Kim-bart-iškė, Liu-bartai, Bartaičiai, Barteliai, Bartkai, Bartkūnai, Bartoniai*, в Германии *Barth* (PV, 2006, 48).

Включение в этот ряд польских и белорусских антропонимов с основой *Bart-* может показаться не вполне аргументированным. Имеем в виду не только толкование, предлагаемое исследователями польской и белорусской антропониимии: по их мнению, антропонимы с основой *Bart-* возникли на базе христианского имени *Bartholomaeus*. Краткие *a, o* в балтийских языках были отражены как *a*, а в славянских как *o*. Следовательно, балтийская основа *Bart-* в славянских языках должна была иметь форму *Bort-*: ср. гидроним *Борча* (<* *Bortja*) в Верхнем Поднепровье или же др.-русск. антропоним *Бортень* (= др.-прусск. *Barthenne!*).

На наш взгляд, польские и белорусские собственные имена с основой *Bart-* - это результат включения древних антропонимов в ряд производных единиц, образованных на базе христианского имени *Bartholomaeus*. Имеем в виду возникновение новых ассоциаций, обусловленных соприкосновением древних антропонимов и новых имен, появившихся в связи с принятием христианства. Такое переосмысление древних антропонимов стало фактором, определившим соответствующее оформление польских и белорусских имен, а также причиной изменения, представленного в примечании С. Б. Веселовского: «Фамилия *Бортеневых* известна с последней четверти XV в.; в XVII в. и позже – *Бартеневы*». Такое изменение восприятия стало причиной сохранности древних единиц, содержащих в своем составе основу *Bart-*. О том, что балтийская основа *Bart-* является компонентом древних дохристианских имен, свидетельствует ее использование в составе сложных антропонимов индоевропейского типа: др.-прусск. *Sam-barte*, лит. *Bart-minas, Dau-bartas, Ky-bartas* и т.п.

Интерес представляет предположение авторов хроник XVI в. Эразмуса, Стеллы и Симона Грунау, которые считали, что название описываемой ими Бартонии возникло на базе антропонима (имени сына Вайдеутиса *Барта*) (Salys, 2001, 194). По крайней мере, здесь ясно одно: уже в XVI в. составители хроник обратили внимание на тот факт, что основа описываемого этнонима имеет бесспорное соответствие в другом разряде собственных имен – в антропонимии.

Весьма оригинальны и любопытны соображения немецкого исследователя А. Баха, которым был поставлен вопрос о возможности нескольких источников порождения антропонима *Barth*: а) данное собственное имя может быть единицей, возникшей на базе древних сложных имен *Bart-olf* и *Bart-old*; б) носители данного имени могут быть потомками человека, который жил в доме *zum Barte* (*domus que dicitur Bart* в Кёльне по записи 1197 г.); в) антропоним мог возникнуть на базе прозвища человека с Бородой (*mit dem Barte*); г) носители данного собственного имени могут быть потомками человека, переселившегося из города *Barth* в Померании (Bach, 1952, 236).

Попытка разобраться в том, что закодировано в приведенных материалах, и учет некоторых рассуждений лингвистов дает основание думать о том, что компонент *Bart-* прежде всего следует считать единицей древней онимии. Однако длительное функционирование и соприкосновение с собственными именами другого характера кое-где изменило ее восприятие, появились новые ассоциации, были определены новые связи.

Sēliai – восточнобалтийский этнос (= *Selones* в хронике начала XIII в. на латинском языке; *Selen* в немецкой хронике конца XIII в.).

Главной параллелью следует считать название фракийского племени *Selletes*.

Гидронимы: лит. *Sėl-iupys*, *Sėl-iupis*, *Sėlinė* (болото), лтш. *Sellite* (Vanagas, 1981, 295).

Антропонимы: лит. *Sel-monas*, *Sel-man* (*avičius*), *Sel-eikis*, *Selenis*, *Sėlenta*, *Selevičius*, *Sėlintas*, *Seliokas*, *Seliukas*; лтш. *Sele*, *Sellick*, *Sellit*, *Sellona* (Blese, 192, 245); др.-прусск. *Selune* (Trautmann, 1925, 91); фрак. Σήλυς (Detschew, 1957, 438); иллир. *Selio* (Krahe, 1929, 146); герм. *Seli-bert*, *Seli-gast*, *Seli-ger*, *Seli-man*, *Seli-wib*, *Sel-wich*, *Sello*, *Selle* (Förstemann, 1856, 1068 – 1070; Kaufmann, 1968, 301; Schönfeld, 1965, 197); кельт. *Selion*, *Selius*, *Sellius*, *Sellia*, *Sello* (Holder, 1896, II, 1461 – 1462); в списках антропонимов и.-е. народов Малой Азии Σελλῖς с примечанием составителя: это имя следовало бы воспринимать

как латинское *Sellius*, так как в антропонимии и.-е. племен Малой Азии параллелей нет (Zgusta, 1964, 460); белорусск. *Сел*, *Селін*, *Сялюк*, *Сялюн*, *Сялюта* (Бірыла, 1966, 147); др.-русс. *Селех*, *Селин*, *Село* (Веселовский, 1974, 284).

Топонимы: лит. *Sėlė*, *Sėleniai*, *Sėlynė*, *Sėliškės*, *Selmoniškiai*, в Латвии *Sēli*, в Норвегии *Selje* (PV, 2006, 381).

Salii – этнос, обитавший в провинции *Sal-land* (Нидерланды) (Schönfeld, 1965, 197 – 198).

Гидронимы: *Sala* (в Норвегии), *Salia* 998 > *Saja* (в Испании), *Saale*, *Salm* (в Германии), *Sala* > *Zala*, *Szala* (в Венгрии), *Sala*, *Salinė*, *Sal-upis*, *Salakas*, *Salantas*, *Salotis*, *Salotas* (в Литве), *Sala*, *Salainis*, *Salate* (в Латвии), *Соленка*, *Солица*, *Соля* (Верхнее Поднепровье) (Krahe, 1964, 50; Vanagas, 1981, 287 – 289; Péteraitis, 1992, 150; Топоров, Трубачев, 1962, 208 – 209).

Антропонимы: лит. *Sal-man(aitis)*, *Sal-minas*, *Sal-minis*, *Sal-monas*, *Sal-noris*, *Sal-norius*, *Sala*, *Salata*, *Salenis*, *Salikas*, *Salynas*, *Salinka*, *Salys*, *Saliutis*, *Salmis*, в письменных памятниках *Сол-купд(овичъ)* 1528 (Переписи, 1915, 84), *Сол-товм(овичъ)* 1528 (Переписи, 1915, 225), *Solok* 1563 (Jablonskis, 1934, 680), *Solus* 1598 (Jablonskis, 1934 497); латышск. *Sallax*, *Sallack*, *Sallasz*, *Sallene*, *Sallyn Salit*, *Salme*, *Salm* (Blese, 1929, 240); др.-прусс. *Salanx*, *Sale*, *Salicke*, *Saluke* (Trautmann, 1925, 85); герм. *Sala-bald*, *Sala-gast*, *Sala-man*, *Sal-man*, *Salo*, *Sallo*, *Salaco*, *Salaho*, *Saleco*, *Salcho*, *Salinga*, *Saletho*, *Saliso*, *Salme* (Förstemann, 1856, 1067 – 1070), *Salaverus* (Burgunder?), *Sala-mirus* (wgot.) (Schönfeld, 1965, 197); кельт. *Salama*, *Salanius*, *Salarus*, *Salasius*, *Salius*, *Salloni*, *Sallūca*, *Sallus*, *Salmo*, *Sala-verus*, *Soli-mar*, *Soli-mutus*, *Solirix*, *Soli-rīgus*, *sola*, *Solinus*, *Solitus*, *Solius*, *Sollius*, *Sollonius*, *Sollus*, *Solox* (Holder, 1896, II, 1298 – 1333, 1599 – 1612; Schmidt, 1957, 264, 271); фрак. *Σαλας*, *Σαλλας*, *Sola*, *Σολα* (Detschew, 1957, 412, 465); иллир. *Sallas*, *Sola*, *Solia* (Krahe, 1929, 144); в списках антропонимов и.-е. народов Малой Азии *Σαλας*, *Σαλης*, *Σαλαμας*, *Σαλμας* (Zgusta, 1964, 451); др.-русс. *Саларевы*, *Салман*, *Салов* (Веселовский, 1974, 277 – 278); белор. *Сальман* (Бірыла, 1966, 143); польск. *Salman*, *Salma*, *Sala*, *Salach*, *Salacz*, *Salak*, *Saluk*, *Solak*, *Solik*, *Solis*, *Sollich*, *Solloch*, *Sołek* (Rymut, 1991, 236, 247).

Топонимы: *Sala*, *Salakas*, *Salantai*, *Salele*, *Saliai*, *Saločiai*, *Salos*, *Salotė*, *Salučiai* (в Литве), *Salaspils*, *Saliena* (в Латвии), *Salina* (в Италии), *Salling* (в Дании), *Salonta* (в Румынии), *Соля* (в Белоруссии) (PV, 2006, 372).

Думается, что основы *sel-* и *sal-(sol-)* в составе приведенного множества собственных имен следует воспринимать как вари-

анты чередования по аблауту корня **sel-* || **sol-* (полная ступень || полная тембровая ступень); ср. изображение Э. Фёрстемана : краткие имена *Salia* или *Sallia*, *Salla* = д.-в.-н. *Sello*, н.-в.-н. *Selle* (Schönfeld, 1965, 7).

Определение связи компонента *sel-* || *sal-* с конкретными единицами известных языков является делом весьма сложным, а имеющиеся попытки это сделать нередко представляются неубедительными.

При анализе так наз. «древнеевропейских» гидронимов идет речь о том, что они не поддаются истолкованию на материале какого-нибудь одного известного языка. Так, например, гидронимы с основой *Sal-* X. Краэ ставит в ряд апеллятивов типа др.-прусс. *salus* «дождевой ручей», лат. *salum* «неспокойное море; течение реки» (Krahe, 1964, 49). Сюда можно добавить единицы того же гнезда: лит. *salti* «течь», *sala* «остров», а также формы другой ступени аблаута *selėti* «подстерегать; красться; ползать», *sėlinti* «красться, подкрадываться». Большинство литовских гидронимов, содержащих в своем составе основы *Sal-* или *Sel-*, А. Ванагас рассматривает как собственные имена, возникшие на базе единиц указанного гнезда родственных апеллятивов (Vanagas, 1981, 287 – 288, 295).

Основа *Sel-, Sal-* выступает в составе сложных антропонимов индоевропейского образца. А балтийские, германские и кельтские имена данного типа обычно рассматриваются как исключительно архаические образования (ср. Milewski, 1969, 216).

В исследованиях по германской антропонимии обычно речь идет о связи компонента *Sal-* с апеллятивами гнезда: д.-в.-н. *sal* «дом, жилище», *selida* «жилище, кров; содержание», др.-сакс. *seli* «дом, жилище» и т.д. (Schönfeld 1965: 197); к тому же ряду относятся также лит (диал.) *sala* «село», ст.-слав. *selo* и т.п.

В словаре литовских фамилий подавляющее большинство единиц с основой *Sal-* рассматривается как собственные имена, возникшие на базе христианского имени *Salomon*, а при анализе данной основы в составе фамилий *Sal-noris*, *Sal-norius* содержится примечание «происхождение неясно» (LPŽ, 1989, 662 – 666).

Польские фамилии с основой *Sal-* в словаре К. Рымута объединяются в одну группу собственных имен, возникших на базе христианского имени древнееврейского происхождения *Salomon* (Rymut, 1991, 236).

Заключительные замечания

Наиболее сложным является анализ этнонимии. Известна способность этнонимов усваиваться носителями иного языка. Этнонимы относятся к числу тех древнейших образований, «которые пережили не один и не два языка, сменивших друг друга на данной территории» (Хабургаев, 1979, 96; Трубачев, 1959, 23).

Анализ собственных имен во многих исследованиях представлен в несколько упрощенном виде. Создается впечатление, что сначала формировалась нарицательная лексика, единицы которой потом легли в основу собственных имен. В действительности формировалась, развивалась и менялась не только апеллятивная лексика, но одновременно происходил процесс становления, развития и изменения онимии. Характер протекания двух указанных процессов (развития апеллятивной лексики и формирования онимии) далеко не всегда был абсолютно одинаковым. На развитие системы собственных имен нередко оказывали влияние такие факторы, которые в обычной лексике не оставили заметного следа. Поэтому многие попытки говорить о связи древнего антропонима с какой-то сходной по своей форме единицей нарицательной лексики современного языка не представляются достаточно мотивированными. Наши наблюдения дают основание думать о том, что мысль Х. Краэ и В. П. Шмида о наличии слоя так наз. «древнеевропейских» гидронимов может получить дальнейшее развитие. На наш взгляд, следует говорить не только о гидронимии, но **целесообразно иметь в виду возможность выделения древнеевропейского онимического союза как особой ареальной общности.** Наличие аналогичных по своей форме собственных имен, пересечение разных онимических рядов – это показатель архаичности соответствующих единиц, **это способ выделения древнейшего слоя собственных имен.** При этом, разумеется, необходимо иметь в виду сложность истории онимии. Вполне возможно, что основой образования собственного имени или его компонента послужил не один источник. Сходные компоненты, возникшие на базе нескольких источников, в результате конвергенции консолидировались в одну единицу. В отдельных случаях было возможно вторичное сближение с какими-то апеллятивами того языка, носителями которого использовалось данное собственное имя. Так, например, в антропонимии немаловажную роль сыграла волна христианских имен. Освоение нового имени происходило не просто посредством его механического включения в состав антропонимической системы, но и

путем сближения с имеющимися сходными антропонимами вплоть до полного попадания старых единиц в орбиту нового сходного по своей форме собственного имени. Представляется почти неизбежным пересечение множества антропонимов, содержащих в своем составе древнеевропейский компонент *Sal-*, и множества единиц, возникших на базе христианского имени *Salomon*.

Переплетение элементов разного происхождения является серьезным препятствием в изучении онимического материала. Попытки сопоставления собственного имени и какого-то апеллятива, а также указание на возможную связь с известным собственным именем иноязычного происхождения во многих случаях отражают лишь одну деталь того сложного явления, каким является пересечение нескольких рядов разных по происхождению и по времени появления, но сходных по своей форме собственных имен.

Думается, что наиболее рациональным приемом исследования онимии следует считать сформулированную К. Бугой исследовательскую процедуру, только с одним существенным дополнением. К. Буга писал об использовании данного исследовательского приема в рамках изучения названий рек (= в сравнительной потамологии). Наши материалы свидетельствуют о том, что все то, что предлагал К. Буга, должно быть отнесено к исследованию онимии вообще. Иначе говоря, исследовательская процедура может быть сформулирована так: **в ономастическом исследовании собственные имена прежде всего должны сравниваться с собственными именами; и только тогда, когда будут сопоставлены собственные имена того же ряда и определено их географическое распространение, будем иметь право искать этимологию исследуемого названия, которая представляет собой сопоставление с нарицательной лексикой.**

ЛИТЕРАТУРА

- Белецкий А. А., 1972, *Лексикология и теория языкознания* (Ономастика). Киев: Издательство Киевского университета.
- Бірыла М. В., 1966, *Беларуская антрапанімія*. Мінск.
- Гурская Ю. А., 2007, *Древние фамилии современного белорусского ареала на славянском и балтийском фоне*. Минск: Министерство образования республики Беларусь.
- Веселовский С. Б., 1974, *Ономастикон*. Москва: Наука.

- Маковский М. М., 1989, *Удивительный мир слов и значений*. Москва: Высшая школа.
- Переписи 1915, *Литовская метрика*, отд. 1, ч. 3. Переписи войска литовского. Петроград.
- Топоров В. Н., 1975, *Прусский язык*. Словарь А – Д. Москва: Наука.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н., 1962, *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. Москва: Академия Наук СССР.
- Трубачев О. Н., 1959 *Лингвистическая география и этимологические исследования*. ВЯ, № 1.
- Хабургаев Г. А., 1979, *Этнонимия «Повести временных лет»*. Москва: Издательство Московского университета.
- Bach A., 1952, *Deutsche Namenkunde*. Band I. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Būga K., 1961, *Rinktiniai raštai* 3. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
- Detschew D., 1957, *Die thrakischen Sprachreste* (Schriften der Balkankommission, linguistische Abteilung, XIV). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Förstemann E., 1856, *Altdeutsches Namenbuch*, Bd. 1. Nordhausen.
- Holder A., 1896, *Alt-celtischer Sprachschatz*. II. Leipzig: Druck und Verlag von B. G. Teubner.
- Jablonskis K., 1934, *Istorijos archyvas*. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas.
- Krahe H., 1929, *Lexikon altillyrischer Personennamen*. Heidelberg. Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Krahe H., 1954, *Sprache und Vorzeit*. Heidelberg: Quelle & Meyer.
- Krahe H., 1964, *Unsere ältesten Flussnamen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Laučiūtė J., 1988, *Senieji baltų etnonimai indoeuropietiškosios onomastikos fone*. *Baltistica* 24(1).
- LPŽ *Lietuvių pavardžių žodynas*, 1985 – 1989, T.1 – 2. Vilnius: Mokslas.
- Milewski T., 1969, *Indoeuropejskie imiona osobowe*. Wrocław – Kraków.
- Pėteraitis V., 1992, *Mažoji Lietuva ir Tvanksta*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- PV, 2007, *Pasaulio vietovardžiai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- Rymut K., 1991, *Nazwiska polaków*. Wrocław – Warszawa – Kraków.
- Salys A., 2001, *Baltų kalbos, tautos bei kultys*. Vilnius: Baltos lankos.
- Schmid W. P., 1972, *Baltische Gewässernamen und das vorgeschichtliche Europa*. *Indogermanische Forschungen* 77 (1), 1 – 18.
- Schmid W. P., 1973, *Aura und Aurajoki*. *Baltistica* IX (2).
- Schmid W. P., 1976, *Baltisch und Indogermanisch*. *Baltistica* XII (2).
- Schmid W. P., 1998 *Das baltische Zentrum in der alteuropäischen Hydronymie*. *Baltistica* 33 (2).
- Schmidt K. H., 1957, *Die Komposition in Galischen Personennamen*. Sonderabdruck aus *Zeitschrift für celtische Philologie*. Band 26, Heft 1 – 4, Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

- Schönfeld M., 1965, *Wörterbuch der altgermanischen Personen und Völkernamen*. Heidelberg: Carl Winter.
- Trautmann R., 1925, *Die altpreussischen Personennamen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Vanagas A., 1981, *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslo.
- Zgusta L., 1955, *Kleinasiatische Personennamen*. Praha.
- Zinkevičius Z., 2005, *Lietuvių tautos kilmė*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

Onomastics as a Fragment of Linguistic Palaentology

Summary

Proper names quite often represent relics of the most ancient epoch. In the article the attempt is made to open and to select such "linguistic excavation", to give the analysis of the limited quantity of the proper names and to state one's opinions. The main conclusion consists of the following. There is a basis to think that it is possible to speak not only about the presence of a layer so-called "old European" hydronymy which is already perceived as a well-known fact. However, it may be presumed that it is rational to speak about the existence of the Old European Onomastics Union as a special areal community.

Key words: *anthroponymy, ethnonymy, hydronymy, onomastics, Old European Onomastics Union, proper name, composite proper name, toponymy.*